

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

конкретно организовать консультационную и лекционную работу ленинградских востоковедов. Не менее важно, что они позволяют на месте изучать богатый опыт востоковедных учреждений республик, предметно рассмотреть вопросы кооперации и координации. В свою очередь, все это способствует лучшей реализации общих планов Научного Совета по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения, который ныне возглавляет директор ИВ АН СССР, академик Е. М. Примаков.

Опыт 60-70-х гг. наглядно свидетельствует о том, что сотрудничество ленинградских востоковедов с учеными-востоковедами республик Средней Азии и Закавказья успешно развивается как в плане обмена научными идеями и информацией, так и в важной области подготовки молодых востоковедных кадров. Научные и педагогические результаты этого сотрудничества являются значительным вкладом в развитие советского востоковедения. Тем самым ленинградские востоковеды 60-70-х гг., продолжая дело своих учителей, вносят свой вклад в развитие многонациональной культуры народов СССР.

О. Г. Большаков

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ИРАНА^х

Основные социально-экономические закономерности развития едины для всех человеческих обществ, но, изучая их на материале какого-то одного общества, мы не можем быть гарантированы от опасности принять индивидуальные особенности развития за всеобщие. До сих пор мы вольно или невольно принимаем европейский путь развития за эталон, черты которого стремимся найти в истории средневекового Востока, хотя правильнее было бы рассматривать докапиталистическую историю Европы не как эталон, а как частный случай неизмеримо большего целого.

К сожалению, на этом пути лежит огромное препятствие: почти полная неизученность социально-экономической истории Востока, в частности Ближнего Востока и Ирана, о которых далее пойдет речь.

^х В основу данного текста положен доклад, прочитанный на всесоюзной конференции "Актуальные проблемы и основные направления исследования истории древнего и средневекового зарубежного Востока" 9.12.1981 г.

Долгое время его история сводилась к политической истории, которую в той или иной степени иллюстрировали примерами из области экономики. При этом вслед за средневековыми авторами предпочтение отдавалось впечатляющим рассказам о гигантских доходах и расходах халифов и других властителей, преувеличенным сведениям о численности населения и размерах городов и т.д. Анализ повседневной экономической жизни был недоступен из-за недостаточной изученности подлинных документов, но немалую роль играло также отсутствие у востоковедов вкуса к изучению социально-экономических отношений.

Советские историки уже в 30-40-х годах пытались подойти к проблемам изучения социально-экономической истории этого региона, но из-за узости источниковедческой базы, на которую они опирались, их выводы оказывались нередко приближительными или чисто декларативными. Отчасти это объяснялось преимущественным вниманием к Закавказью и Средней Азии, о которых имеется мало документальных сведений экономического характера, но известную роль сыграло и общее состояние изученности экономической истории Ближнего и Среднего Востока вообще.

Возникшая тогда концепция, несколько дополненная (но не измененная) материалом, господствует в нашем востоковедении по сей день. Здесь нет нужды говорить о вкладе отдельных исследователей в ее создание и нюансах ее индивидуального истолкования, попробуем резюмировать ее в изложении двух лучших университетских учебников, в которых представлены взгляды основных школ востоковедов-историков, тем более, что в таких учебниках обычно излагаются устойчивые точки зрения.

Согласно этой концепции, феодальные отношения на Ближнем и Среднем Востоке (исключая византийские провинции, выпадающие из поля зрения востоковедов) зарождаются в III-V вв. н.э. В сасанидской державе это выражается в утверждении "государственной феодальной собственности на землю"¹ и возникновении феодально-зависимого крестьянства, складывавшегося из разорявшегося свободного крестьянства и посаженных на землю рабов.²

Превращение феодального способа производства в господствующий способствовало росту производительных сил: увеличивается производительность труда, расширяется площадь обрабатываемых земель, совершенствуется система орошения, растет население. Начавшееся отделение ремесла от сельского хозяйства приводит к возникновению феодального города. Ремесленники, зависевшие сначала от феодалов,

в XI в. освобождаются от зависимости, усиливается роль цехов, начинаются восстания горожан против засилья феодалов.³

Спецификой феодализма в этом регионе было господство государственной собственности на землю; взимаемой с нее поземельный налог являлся коллективной рентой класса феодалов, воплощенного в государстве. Развитие феодальных отношений состояло в постепенной передаче государственных земель или права на получение налогов с них феодалам за службу. Это условное землевладение имело тенденцию к превращению в безусловное и наследственное, с которой постоянно боролось государство в меру своих сил и возможностей.⁴

Все это очень напоминает ход развития феодализма в Западной Европе (кроме степени распространения государственного землевладения), но противоречит многим фактам конкретной экономической и социальной истории Ближнего Востока и Ирана, т.к. авторы строят эту концепцию социальных отношений умозрительно и к тому же отдавая приоритет социальным и юридическим установлениям перед экономической основой, на которой они строились.

Сказанное в значительной мере относится и к другим регионам Востока, поэтому представляется преждевременной попытка исследования типологии обществ средневекового Востока методом субъективных оценок специалистов⁵ — сумма частных ошибок не может быть достовернее слагаемых.

Действительно, если беспристрастно подойти к существующей концепции развития социально-экономических отношений в Иране и на Ближнем Востоке, то окажется, что основные понятия, на которых она построена, до сих пор не имеют точных определений.

I. Утверждение о господстве государственной собственности на землю покоится на факте взимания поземельного налога (хараджа) и пожаловании права сбора его за службу, приравняваемого дарению права собственности на землю. Но а) когда государство в других странах взимает налоги с каких-то видов частной собственности, то они не объявляются на этом основании государственной собственностью; б) государство нередко меняло систему налогообложения (то переводило ушровые земли в хараджные, то — наоборот) от чего совершенно не нарушались прежние отношения собственности. Кроме того, имеются несомненные свидетельства взимания налога с мельковых земель, следовательно, поземельный налог не обязательно является доказательством государственной собственности на землю и необходимо искать недвусмысленные критерии определения государственных земель.

2. Указанные здесь противоречия принятой концепции пытаются объяснить тем, что земли, принадлежавшие отдельным лицам, находились не в их собственности, а во владении, право же собственности на землю принадлежало все-таки государству. Но если земли, которые могли быть куплены и проданы и переданы по наследству, считать находящимися не в собственности, а во владении, то что же такое собственность?

3. Сами сторонники этой концепции признают, что фонд земель, находившихся в условном владении, то расширялся, то сужался, и, добавим, что если брать период с VII по XVII вв., то никаких существенных изменений в системе социально-экономических отношений не произошло, — менялась больше терминология (если не считать резкого ограничения свободы при монголах), чем сущность институтов. Поэтому неясно, в чем заключалось развитие феодализма.

Поскольку же есть сомнение в том, что государственное налогообложение является признаком собственности государства на землю, то рушится вся стройность концепции. Прежде чем говорить о государственной собственности на землю, надо решить, в чем она заключается. Но и без этого ясно, что на мусульманском Востоке существовал значительный фонд негосударственных земель⁵. Необходимо тщательное исследование терминологии, обозначающей различные категории собственности и владения, с учетом того, что в разных источниках в разные периоды один и тот же термин может означать разные понятия.

Только договорившись о терминах мы сможем подойти к более конкретным осязаемым вещам, поддающимся физическому изучению и измерению. Однако и сейчас многие, казалось бы очевидные и принятые всеми истины, можно признать неверными или недоказанными.

Так, требует более веских доказательств, действительных для всего нашего региона, утверждение об уменьшении общественно-полезного труда рабов при переходе к феодализму, хотя найти прямые свидетельства подобного рода будет очень трудно.

Зато, рассматривая вопрос о прогрессе производства в этот период, мы можем рассчитывать на недвусмысленный объективный материал. Насколько мы можем сейчас судить, в III-VI вв. не происходит заметного совершенствования сельскохозяйственных орудий и агротехники. С еще большей уверенностью можно сказать, что площадь обрабатываемых земель с переходом к феодализму в целом не увеличилась (что не исключает изменений в отдельных районах). В Египте, по прямым

свидетельствам письменных источников, с XII по нач. XIX в. она оставалась неизменной, а по косвенным данным — она была такой же и в VI—VII вв. В Сирии и Палестине и Ираке, с IV по XIII вв. шло некоторое сокращение обрабатываемых земель (далее монгольский разгром нанес тяжелый удар и сокращение площади обрабатываемых земель произошло не в силу естественных внутренних причин). Сообщения историков о проведении новых каналов, на которых основываются утверждения о расширении площади орошаемых земель, фиксируют случаи восстановления ранее обрабатывавшихся земель и не могут использоваться для доказательства расширения посевов. Нет у нас данных и о заметном прогрессивном изменении агротехники; все доводы в пользу этого основаны лишь на факте появления новых культур, точнее распространения их из одного региона в другой в условиях халифата.

В свете этого не кажется странным, что тщательный анализ сведений письменных источников о количестве городов и их размерах, о соотношении городского и сельского населения в Египте и Сирии показывает, что сколько-нибудь опутимых демографических изменений также не происходит. Апелляция к размерам мировых столиц, вроде Багдада, неубедительна, тем более, что нередко используются явно завышенные оценки населения.

Таким образом оказывается, что появление новой системы социальных отношений, феодальных, не повлекло за собой принципиальных изменений в производительности труда, как следовало бы ожидать, если считать, что социально-экономические формации отличаются не только системой присвоения прибавочного продукта и социально-политическими институтами, но и уровнем производительности труда.

Остается предполагать, что принципиальные изменения следует искать в сфере эксплуатации, для чего необходимо проследить изменения в нормах эксплуатации различных категорий трудящихся, в первую очередь — крестьян, составлявших не менее 90% трудового населения. Но здесь мы снова сталкиваемся с нечеткостью терминологии и разнообразием даже в употреблении таких кардинальных понятий, как прибавочный и необходимый продукт, поскольку нет ясности, является ли последний величиной неизменной или зависит от среднего уровня жизни данного общества; а без этого рассуждения о том, присваивали феодалы только прибавочный продукт или прихватывали и часть необходимого, повисают в воздухе.

Рассмотренной концепции развития феодализма на Ближнем Востоке противостоит ныне точка зрения одного из лучших знатоков экономической истории мусульманского средневековья, согласно которой

мусульманский Восток в X в. по уровню экономического развития подошел к капитализму, но его развитию воспрепятствовала мусульманская система наследования, мешавшая концентрации капитала, и коммерческая деятельность государства и государей. Последовавшие затем политические неурядицы и связанные с ними голодовки и эпидемии привели к депопуляции Ближнего Востока, выразившейся в сокращении числа деревень и городского населения. Следствием этого явилось снижение цен на хлеб и рост реальных заработков трудящихся. Произошло также сокращение площади обрабатываемых земель и доходов государства.

При Буидах прекапитализм сменяется феодализмом, который в отличие от Европы складывается не в эпоху наибольшего упадка экономики, а в условиях развитого "прекапиталистического" общества." Более того, новый режим был привнесён на Ближний Восток со стороны. Маркс и Энгельс утверждали, что феодализм был порожден производительными силами тех стран, в которых он устанавливался. Здесь же мы имеем пример строя, наложенного на прекапиталистическую экономику, на которую он повлиял чрезвычайно разрушительно"⁶. Городская буржуазия в течение нескольких веков пыталась бороться с феодалами, но была побеждена, "и эта борьба в течение трех веков была одним из лейтмотивов истории Востока".⁷

Отвергать возможность столь раннего зарождения капитализма на мусульманском Востоке только на том основании, что этого не могло быть теоретически, никак нельзя, тем более, что Аштор опирается на большой фактический материал. К. Маркс решительно возражал против теоретической предвзятости, указывая на приоритет конкретных исследований.⁸

Факты показывают, что ряд выводов Аштора неверен: неверно заключение о депопуляции Ближнего Востока после X в., неточны выводы о колебании цен на основные продукты питания и соответствующем изменении жизненного уровня. В действительности же цены и жизненный уровень колебались в зависимости от конкретных условий в одних и тех же пределах с VIII по XV в.; численность населения не претерпела заметных изменений, также как число городов и их средние размеры, видимо, не сократилась и площадь обрабатываемых земель (по крайней мере в Египте). Следовательно, нет оснований говорить о более высоком "прекапиталистическом" уровне экономики в X в., коль скоро мы не находим его в последующие века. Главная ошибка Э. Аштора и других сторонников этой точки зрения заключается в отождествлении купеческого капитала с капитализмом как способом производства.

Это не снимает необходимости политэкономической характеристики общества средневекового Ближнего Востока, основанной на конкретных фактах экономической истории, а не на умозрительных построениях, основанных на заданной идее. Именно в угоду таким построениям родились утверждения о появлении феодальных городов на Ближнем Востоке и в Иране вследствие развития разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством, хотя на самом деле это разделение произошло на заре классового общества, когда и возникли города, а дальнейшее их развитие зависело от конкретных обстоятельств, которые и следует исследовать. Это, конечно, не исключает того, что в отдельных районах могло происходить первичное образование городов, нельзя только частные случаи делать общим законом.

Усиление политэкономического исследования социально-экономической структуры средневекового общества требует более широких и всесторонних нумизматических исследований. У нас же пока только среднеазиатская нумизматика находится на должном уровне, а обширный материал Ближнего Востока и Ирана, который можно хорошо увязать со сведениями письменных источников, исследуется только в связи с отечественной историей. Отстает и сама методика исследований.

Сложной, но необходимой задачей является исследование производительности земледелия в средние века, без чего трудно всерьез анализировать уровень эксплуатации в сельском хозяйстве и судить о преимуществах различных форм организации труда и отчуждения прибавочного продукта. Немыслимо без этого и решение вопроса о причинах замедленности экономического развития этого региона в средние века.

Не менее важно сейчас суммировать весь объективный материал, характеризующий социально-экономические отношения для всего периода средневековья, чтобы понять общую линию их развития и избежать генерализации тенденций, характерных для отдельных этапов, чтобы не потерять в разнообразии разновременных терминов одни и те же явления.

-
1. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 94.
 2. История стран Азии, с. II; История стран зарубежной Азии в средние века. Л., 1970, с. II5.
 3. История стран Азии, I24, I27, 258, 294, 296; История стран зарубежной Азии, с. I47, 344.
 4. История стран Азии, с. II2-II9, 266, 271; История стран зарубежной Азии, с. I4I-I42, 342-344, 360-361, 375-376.

5. Д.Б.Алаев, Опыт типологии средневековых обществ Азии. — В сб. Типы общественных отношений на Востоке в средние века, М., 1982.
6. E.Ashtor, A social and economic history of the Near East. L., 1976, 181.
7. Там же, с.114.
8. К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения, изд. 2, т.19, с.120-121.

Е.И.Кичанов

СОСЛОВНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (VII-X вв.)^X

"Главное, что требовали правила этики и морали "ли" от закон "лий", — пишет японский историк Китая проф. Миядзаки Итисада, — это, чтобы в семье и обществе были выделены социальные группы и были бы скурпулезно определены права старших в отношении младших и обязанности младших в отношении старших".¹ Правоспособность лиц определялась их социальным статусом: "чтобы быть лицом, человек должен ... раньше обладать статусом, — писал великий немецкий философ Гегель, — и "право есть поэтому во всяком случае не право лица, как такового, а лишь право особенного лица",² т.е. лицо определенного социального статуса, для средневековья всегда и везде принадлежавшего к тому или иному сословию.

Не имея своей, по выражению К.Маркса, "собственной истории" и отражая систему общественных отношений, право средневековых обществ своими средствами посредством установленных государством правовых норм отражало облик социальной организации общества. Он был закреплен в сословиях по определению "Советской исторической энциклопедии" "социально-правовых группах, каждая из которых отличалась своим юридическим положением".³ Таким образом, сословия реально отражали структуру социальной организации данного общества на момент ее закрепления в праве, социальную организацию, базирующуюся в том числе и на производственных отношениях, отношениях экономических и отношениях собственности. Если даже генетически вхождение в то или иное сословие имело основания личного порядка, само формирование социальных групп, из которых произошли сословия, было

¹ В основу данного текста положен доклад, прочитанный на всесоюзной конференции "Актуальные проблемы и основные направления исследования истории древнего и средневекового зарубежного Востока" 9.12.1981 г.